

Федотова Ирина. Когда мы познакомились...

Когда мы познакомились, Стас был начинающим адвокатом, с виду совсем мальчишкой, и практиковался на бесплатной «уголовке», которую ему в изобилии поставляла его адвокатская контора. А мечтал при этом быть защитником левых активистов. «Никто, кроме меня, их не сможет защищать – ведь только я знаю специфику этой “тусовки”, – говорил он. – Знаю – изнутри». Я и не подозревала тогда, насколько это было для него серьезно.

Как-то мы сидели со Стасом на кухне и обсуждали, что у каждого человека есть какой-то свой определенный, характерный возраст, который сопровождает его всю жизнь. «И сколько же мне лет?», – попыталась пошутить я. «Двадцать, тебе всегда – 20», – уверенно сказал Стас. «Ну, а тебе?» – переспросила я. «А мне – 60, по ощущению» – очень серьезно ответил он, и глаза его были печальны. А мне стало не по себе, и я не нашла, что ответить.

Дома он всегда носил бандану – пригладить волосы, которые вились волной и торчали в разные стороны. Я тогда, в 1997-м, работала в Останкино, репортером на НТВ, и часто заходила к нему в гости на Аргуновскую. Он так любил гостей, особенно когда родители на все лето уезжали в деревню на дачу, кажется, под Серпухов. Тогда его квартира становилась таким «тусовочным» местом. А я была заметно старше Стаса и очень его интересовала – и как журналистка, и просто как женщина.

Одиночка, в сущности... Он, отчасти осознавая это и действуя вопреки, выстраивал себе шумный имидж весельчака и балагура, любящего выпить и т.д. А в политике... Таких политических взглядов не было больше ни у кого. Верховенство права и притягательность анархической вольницы. Он пытался работать в законодательном поле с людьми, которые не признавали законов концептуально. С приверженцами акций прямого действия.

С его общительностью и интересом к людям – самого разного социального положения и рода занятий – ему была прямая дорога в журналистику. Я до сих пор не понимаю, почему он не стал журналистом. Мама, папа и оба его старших брата – все оттуда. А с каким пиитетом он отзывался о брате Мише, когда тот ездил по горячим точкам, работая в команде Артема Боровика, с каким нескрываемым восхищением! И меня любил время от времени спрашивать, как бы в шутку: «Ну как, ты уже стала главным редактором?» Я немного обижалась, он ведь говорил со значением – «держи, мол, планку!» Поэтому о своих неудачах и даже провалах я ему не говорила. А ведь люди часто дружат, жалуясь друг другу. Я не жаловалась.

Как мы с ним познакомились, я не помню точно. Скорее всего, это произошло при большом стечении народа – либо у него на Аргуновской, либо у меня – на очередном «Муравинском четверге». Где-то с начала 1997 года наша квартира приняла эстафету известных в анархической среде «муравинских четвергов», где регулярно собирались люди «левого мировоззрения». Все они были немного разные, но это-то и было интересно. «Четверги» происходили довольно регулярно – примерно дважды в месяц. И наверное, в какой-то момент там появился Стас. И потом он появлялся на них достаточно часто, но не каждый раз.

Примерно тогда же, в 97-м произошла вся эта история с Реввоенсоветом, взрывом плиты на кладбище и памятника Николаю II в селе Тайнинском. Стас стал адвокатом обвиняемого Андрея Соколова, состоявшего в РКСМ, который возглавлял Павел Былевский. Я сделала на НТВ репортаж об этом деле – первом деле, где власти попытались выдать за «терроризм» в общем-то вандализм. Снимала прессконференцию, которую он проводил, брала очень смешное интервью у Былевского.

Но я до сих пор удивляюсь, как это все на НТВ удалось показать, в новостях. Я ведь работала тогда на экологической программе, где у меня, кстати, выходили опусы о «Хранителях радуги». Репортажи про их лагерь протеста в Волгодонске я делала из каких-то почти любительских съемок, по горячим следам. Помню, как Петя мне ночью привозил в Останкино кассету, и на следующий день выходил материал. И еще помню, как счастлив был Стас, когда впервые увидел себя на телеэкране! Потом-то он привык...

Один на один, вне шумной компании он был очень заботлив и внимателен, хорошо чувствовал настроение другого человека. С ним бывало так классно брести куда-нибудь – куда глаза глядят или же просто дома сидеть, ужинать, смеяться...

Он, кстати, довольно хорошо готовил. Изобретательно, и с применением всяких специй. Говорил мне всегда – «кушай, кушай, поправляйся» – так трогательно и так заботливо... Я слушала его, как тот самый «Васька», и поглощала с большим удовольствием приготовленную им стряпню (меня он, как гостью, к плите не подпускал и хлопотал по хозяйству сам). И так было всегда, когда я заходила к нему, голодная, после работы в Останкино.

Мы бродили по Москве. По каким-то проходным дворам – нам было интересно отыскать сквозные проходы, причем ночью, в темноте. И обнаруживали, что масса дворов уже покрыта асфальтом, все скверики куда-то делись, и на нас смотрели глазки видеокамер. Иногда, пройдя насквозь несколько дворов, мы как бы случайно оказывались на какой-то вроде бы знакомой улице где-то в центре города. И некоторое время даже не очень-то понимали, где именно мы находимся.

Бродили мы со Стасом и по Минску, когда отправились туда как-то на пару-тройку дней. Мы обследовали магазины, покупали сыр и пиво, пили его прямо на ходу, шествуя по широким тротуарам, восхищаясь просторными проспектами почти без машин. Какой же Минск тогда был чистый! И как не похож на злую, грязную Москву. Он нам обоим тогда казался раем...

И там он меня поразили знанием белорусского языка. У него тогда была идея встретиться с представителями оппозиции, а она там была разного свойства, в том числе вполне националистического. И вот, на их съезде какой-то парень начинает говорить со Стасом не на «проселке», а на чистом белорусском. И меня тогда потрясло, что Стас все понял, и, кажется, на белорусском ему и отвечал. Лучше он язык выучил потом, но и тогда он его знал довольно прилично. Он ведь не впервые был в Минске, интересовался, читал. Из этой поездки я привезла уникальную книжку – «Хайку белорусских поэтов», естественно, на белорусском языке.

Еще мы в конце 90-х на мой день рождения 31 октября всей компанией выезжали на Хэллоуин за город. Несколько раз. И без Стаса тут просто не обходилось. Я помню, как на первом таком собрании у Армена на даче мы в лесу разжигали костер, а была оттепель, снег таял, и сверху капало с деревьев. Я тогда сама разжигала костер и помню, даже свечки в него в какой-то момент поставила, чтобы как-то подсушить. А Стас, как сумасшедший, рубил эти деревья. Потому что если надо было что-то рубить, тащить, валить, то там всегда был он. С потрясающей энергией он вырубал сухие щепки из середины стволов, и передавал их мне. В костер тогда пошли не только щепки, но и голубые сторублевые бумажки – докризисные 100-рублевки, нашедшиеся у кого-то в карманах. И не прошло и полутора часов, как наш костер все-таки разгорелся.

Были еще поездки на Ивана Купалу, в которых Стас почти всегда участвовал. Там, как известно, венки плетут, и потом их на всех надевают – и на женщин, и на мужчин. Я любила плести разные экзотические венки и вот сплела один венок, который почти целиком состоял из дубовых веток – ветвистых, как оленье рога. И я отдала его Стасу. И вот – картина: Стас в этом венке в свете костра, и рога у него ветвятся дубовыми листочками. Кстати, Стас очень много чего знал про языческие праздники, и в какой-то момент все собирались у костра его послушать. В Хэллоуин он мог бесконечно рассказывать о традиции кельтского праздника Сомайна, эстафету которого позже перехватил Хэллоуин. И про аналогичные праздники славянских народов – в Белоруссии, например, есть Дзяды, который тоже празднуется с 31 октября на 1 ноября. И на Ивана Купалу он, конечно, рассказывал нам всякое-разное из языческой мифологии.

Эрудиция, особенно в области истории, была у него феноменальной. Он ведь закончил школу с историческим уклоном. Потом, правда, поступил в Юридическую академию, но увлеченность историей осталась, и голова его была просто забита разными вещами. Поэтому ему ничего не стоило, например, на «Муравинских четвергах», когда иногда возникал вопрос «а кто будет делать доклад», взять и практически экспромтом что-нибудь рассказать. Почему-то я запомнила его доклад про Пол Пота – настолько он был яркий.

Потом Стас на некоторое время пропал из моего поля зрения. У меня тогда происходила кардинальная смена жанра – из ТВ-журналистики я ушла в один экономический журнал, а до этого был тяжелый период послекризисной безработицы и прочих личных неурядиц. У Стаса же в это время продолжался роман на две страны с его будущей женой Галинкой, которая жила в Минске. И расширялась адвокатская практика, в которую он ушел с головой.

Но вот как-то – кажется, это было лето 2002 года – мы всей компанией поехали за город, под Звенигород. Там были Рома, Майка, Петя, Стас с Галинкой и я, шестеро... Стас тогда был в ударе и почти все время очень громко кричал, балагурил, хотя остальная компания была не такой уж шумной. Я тогда впервые увидела его жену Галинку. Они очень подходили друг другу, и она, кажется, весь этот шум воспринимала спокойно. Не исключено, что своими буйствами он как-то компенсировал мерзкие ощущения от частых посещений следственных изоляторов, ментовок и пр. Он был весьма тонкой и чувствительной натурой, и в каком-то смысле даже ранимой...

А еще мы могли подолгу болтать по телефону – даже когда долго не виделись. Нет, не «болтать» – все, о чем мы говорили, нам тогда казалось важным. И в разговорах с ним был такой «эффект присутствия» – он умел его как-то непринужденно создать... Настроение после таких часовых телефонных эскапад повышалось у обоих, и уже потом мы спохватывались – что, мол, «надо бы при встрече». И выяснялось, что, вообще говоря, встречаться некогда – ни ему, ни мне. Ну, а начиная с 2003-го он стал регулярно ездить в Белоруссию – почти каждые выходные, потому что Галинка стала жить там после рождения первого ребенка. И тогда стало некогда совсем...

О том, что мы так редко стали общаться – а ведь были совершенно «своими» друг для друга, – я сейчас жалею, но – поздно. А по-другому получиться, наверное, не могло. Он был человеком дела, и это дело было приоритетом. Деньги надо было, опять же, зарабатывать и т.д. Он крутился... И не очень успевал вести все дела, за которые брался. Я даже боялась его отвлекать лишними звонками или предложениями встретиться. Только – по делу. Или же – случайная встреча где-нибудь на форуме или конференции. Как, например, на Прямухинских чтениях летом 2007-го, где он несколько лет не появлялся, и вдруг приехал. Там я его видела в последний раз.

А за несколько месяцев до этих чтений мы вдруг договорились о встрече – просто так «поболтать». И встретились в Филипповской булочной, т.е. в «Кофе-Бине» на Тверской. Я как раз заканчивала тогда работу в «Известиях», а он мне рассказывал, что – вот, недавно создал Институт верховенства права, и уже есть сайт, но еще нет офиса. Рассказывал и про дела, которые вел, в том числе связанные с антифашистами. Мы там сидели очень долго, наверное, часа три, и это было удивительно, потому что Стас настолько был всегда в работе и в разъездах... И как хорошо, что мы тогда успели с ним о многом поговорить.

Стас был замечательным человеком и хорошим другом. Таким я его воспринимала. Конечно же, я знала про его громкие дела. Знала и про то, как его отвели от защиты в деле НРА, вызвав на допрос в ФСБ. После этого он сказал, что за подобные вещи браться не будет. Видимо, с ним поговорили серьезно. Остался Северный Кавказ. Там ему работать было можно – пока. Опасно, конечно же, но... мне всегда казалось, что он на самом деле не такой уж «крутой и бесстрашный», что он, в общем-то, довольно разумный и осторожный человек. Он понимал, что опасно, и пытался понять, насколько опасно, и, возможно, оценивал меру риска и т.д. Он не собирался умирать.

После того разговора в ФСБ он сразу же понял, что продолжать защищать обвиняемых в терроризме для него не просто рискованно – бессмысленно... И отступил. Поэтому я до сих

пор не понимаю и думаю, пытаюсь понять – чего же он не учел? Что же все-таки произошло, откуда пришла беда? Или же – злой рок?

Моя дочь, сейчас уже взрослая, знала Стаса с 11 лет, но политикой она не интересуется и новости смотрит нерегулярно. Когда она услышала от меня, что его застрелили... Она его очень любила – по-детски, конечно. Он тогда часто бывал у нас дома, и его нельзя было не любить. Да, Стас был именно тем человеком, про которого трудно, почти невозможно сказать– «убили»... Так вот, узнав об этом, она воскликнула: «Дьявол! Если так, то сваливать надо отсюда, и чем скорее, тем лучше». Это, по-моему, – приговор стране. Никогда до этого она не говорила об отъезде, ведь ее дом – здесь.

Но если здесь убивают лучших...

Не такой ли реакции, и прежде всего от интеллигенции (в старом, но еще не окончательно забытом смысле слова), ожидали его убийцыпровокаторы? Настоящие организаторы государственного террора, которые никогда не предстанут перед судом. Судить будут «пешек».

Рана, которую причинила мне гибель Стаса, не заживет никогда.

Версия #1

Зверобой создал 15 апреля 2025 23:13:10

Зверобой обновил 15 апреля 2025 23:16:59